

Языковые маркёры высказываний мнения в медиатекстах на английском и белорусском языках

В.В. КОЗЛОВА

Рассматриваются языковые единицы, а также сопутствующие им экстралингвистические факторы, которые необходимо принимать во внимание в процессе интерпретации медиатекста. В фокусе исследования находятся разноуровневые языковые средства, маркирующие высказывания мнения, предлагается их классификация. В статье рассмотрены маркёры мнения в медийном дискурсе на английском и белорусском языках, установлены их сходства и различия, что обусловило научную новизну работы.

Ключевые слова: мнение, медийный дискурс, медиатекст, высказывание, языковые маркёры

Linguistic means as well as extralinguistic factors that are important in the process of interpretation of a media text are considered. The focus of the study is split-level language tools, marking statements of opinion, their classification is offered. The article is novel from a scientific point of view due to the markers of opinion lexicon of media discourse in English and Belarusian. The differences and similarities of these markers are considered in the paper.

Keywords: opinion, media discourse, media text, opinion lexicon.

Медиа обладают способностью контролировать и управлять в некоторой степени умами людей, формируя общественные взгляды, влияя на процесс принятия решений и создавая шаблоны поведения. Современные СМИ не только и не столько отражают окружающую действительность, сколько комментируют и интерпретируют её, исходя из определенных социальных и культурных ценностей, политической идеологии, позиции издания или же видения самого журналиста. Интерпретация предполагает представление мнений и оценок, которые выражаются набором лингвостилистических средств, экстралингвистических средств (визуальная информация, звуковой ряд и т. п.) и даже на уровне отбора освещаемых фактов [1], [2]. Как отмечает Т. ван Дейк, «однажды получив набор (тщательно отобранных) фактов, хотя и представленных, на первый взгляд, в объективном виде, читатели будут сами продуцировать предпочтительные модели воззрений и будут поступать соответствующим образом» [2, с. 16]. Из этого следует, что при обращении к медиа необходимо обращать внимание на дискурс, т. е. не только на формальные языковые показатели текста, но и на различные экстралингвистические факторы, которые задействованы в процессах производства и интерпретации текста.

Как следствие, представление мнений коммуникантов, равно как и выражение авторской точки зрения, стало характерной чертой газетных материалов. Мнения можно обнаружить в текстах различных жанров: в передовых статьях, авторских колонках, аналитических статьях, рецензиях, репортажах, новостных статьях и других типах медиатекстов. Нередко возникают трудности при разграничении фактов и мнений, надежной верифицируемой информации и чьей-либо частной точкой зрения. Учитывая воздействие СМИ на адресата, потенциал медиа как инструмента познания, а также возможность поиска и анализа полезной информации, которая может содержаться в субъективных высказываниях, актуальность приобретает изучение мнений, освещаемых в медиадискурсе.

Цель данной статьи заключается в выявлении языковых средств, которые маркируют высказывания мнения, функционирующие в текстах информационных и аналитических жанров медийного дискурса на английском и белорусском языках. Научная новизна работы заключается в выявлении языковых средств выражения мнения на английском и белорусском языках в рамках медийного дискурса, установлении их сходств и различий в двух языках.

Материалом анализа послужили 200 текстов различных информационных и аналитических жанров на английском и белорусском языках (мнения и комментарии, аналитическая статья, новостная заметка, репортаж и т. д.). Источниками практического материала послу-

жили как национальные, так и региональные британские и белорусские газеты («The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «The Scotsman», «Evening Standard», «Звезда», «Культура», «Новы час», «Гомельская праўда» и др.).

Согласно Г.Ф. Гибатовой, мнение является сложной диалектической категорией и служит «предпосылкой процесса познания, инструментом для создания определенного «образа мира», результатом мыслительного процесса, когнитивной деятельности субъекта познания» [3, с. 7]. Мнение как состояние сознания связано с результатами работы мысли, с опытом человека.

В научной литературе отмечается ряд различий между знанием и мнением. Если знание единственно и неизменно, то мнение предполагает множественность оценок и наличие выбора, мнение может со временем меняться [4, с. 10], [5, с. 61]. Если знание получается из внешнего источника, то мнение формируется актом воли человека. Знание является общественным достоянием, в то время как мнение – собственность индивида [6, с. 9]. Знание фактуально и, как следствие, более ретроспективно, мнение же субъективно, модально, оценочно, оно соотносится со взглядами, мировоззрением, внутренним духовным миром человека [7, с. 244]. Понятие знания исключает человеческий фактор (сфера знания исключает неуверенность, возможность ошибки, наличие альтернатив), мнение же предполагает обязательное наличие человеческого фактора [8, с. 10]. Знание считается прошедшей верификацию пропозицией [9, с. 185]. И соответственно, знание относится к классу фактивных предикатов, а мнение – путативных, хотя в выражении мнения могут участвовать и предикаты других классов [10, с. 25].

Как познавательная форма в шкале объективности-субъективности мнение занимает промежуточное место между верой и фактом [3, с. 8]. Как заметила Н.Д. Арутюнова, «во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знания и веру» [6, с. 7]. Поэтому необходимо понимать, что знания и мнения взаимодополняют и взаимоопределяют друг друга, истинные знания могут оказаться ложными, а предположения и гипотезы могут перейти в разряд новых знаний [7, с. 274].

Мнения также находятся в фокусе исследований нового направления в лингвистике – разработки алгоритмов и компьютерных программ распознавания определённого типа информации. Bing Liu полагает, что существует два вида текстовой информации: факты и мнения [11, с. 460]. При этом под мнениями он понимает два типа информации: собственно мнения (т. е. выражение чувств и эмоций относительно продуктов, событий, людей, какой-либо темы в целом) и сравнения (т. е. высказывания, в которых представлены сходства или различия двух и более единиц) [11, с. 460–466]. Истинные знания имеют форму фактов, но не мнений, т.е. субъективной информации [12]. С другой стороны, разнообразие мнений после прохождения анализа может выявить новую информацию и способствовать развитию знания.

Мнения, особенно функционирующие в СМИ, могут оказывать влияние на факты. При этом факты не всегда объективны и неприкосновенны, даже если представлены в качестве фактов. Адресат выбирает факты для представления аудитории, тем самым он высказывает суждение относительно того, что считает важным [13, с. 239]. По сути, мы сталкиваемся с мнением, в котором отражаются убеждения и ценности адресата.

Традиционно факт понимается как нечто, что может быть подтверждено доказательствами. Например, «Нарочь – самое крупное по площади озеро в Беларуси». А.К. Симонов и М.В. Горбаневский отмечают трудоёмкость процесса определения факта. Так, «человек вычленяет в реальности какой-либо фрагмент» и «рассматривает его под определенным углом зрения», далее знание об этом фрагменте вербализируется в форме высказываний, каждое из которых проходит «верификацию, т. е. соотносится с действительностью, чтобы убедиться в его истинности или ложности» (если высказывание истинно, оно считается фактом) [14, с. 45]. Мнения же основываются на убеждениях и точках зрения. Мнения являются личными интерпретациями и не могут быть проверены с помощью доказательств. Например, «Нарочь – самое красивое озеро в Беларуси». При этом представление фактов в СМИ также можно рассматривать как выражение мнения, поскольку «одно и то же событие выступает в форме различных

фактов – в зависимости от того, что мы считаем главным, что трактуем как суть события, а что считаем частностью», тем самым выражается позиция адресата [14, с. 46].

Обсуждая проблему определения высказываний-мнений в текстах, необходимо также затронуть вопрос о разграничении мнений и оценок. Как мнения, так и оценки, отражают представления, воззрения, «чувствования» общности людей, психологический уклад общества [15, с. 28]. Мнения и оценки связаны с внешним миром, т. к. хранят и передают информацию об объекте, и с внутренним миром человека, т. к. адресат высказывает точку зрения согласно хранящейся в его сознании картине мира [3, с. 7]. Оценки относят не к сфере знаний, а к сфере мнений, считая оценку мнением о важности, весомости, ценности и т. п. объекта для говорящего, что оформляется в высказывании с помощью языковых средств выражения оценки [10, с. 26], [3, с. 8]. М.А. Дмитриевская выделяет два типа мнений: мнения-предположения (т. е. верифицируемая пропозиция, которая противопоставлена знанию) и мнения-оценки (т. е. неверифицируемые пропозиции, субъективная истина с точки зрения говорящего) [8, с. 51]. При этом отмечается, что хотя области мнений и оценки схожи, они не совпадают полностью. Так, существуют «экзистенциальные мнения», которые не выражают оценки, и «оценки-ощущения», эмоциональные оценки, которые не являются мнениями [3, с. 8].

В данной статье внимание уделяется языковым средствам, которые маркируют высказывания-мнения; в дальнейшем они будут обозначаться как маркёры. Так, в отобранных медийных текстах были обнаружены разноуровневые языковые маркёры. Единицы морфологического уровня представлены глаголами (с одной стороны, глаголы, являющиеся маркёрами ввода мнения, с другой – глаголы, входящие в структуру собственно мнения), существительными, служебными маркёрами, формами будущего времени и сослагательного наклонения. Среди средств лексического уровня отмечены лексические единицы с модальным значением. На синтаксическом уровне маркёрами высказываний-мнений являются вопросительные предложения, комментарии, императив.

Наиболее частыми маркёрами по употреблению и наиболее разнообразными в плане обнаруженных единиц являются глаголы (таблица 1). В сформированном корпусе текстов как на английском, так и на белорусском языке часть глаголов служит маркёрами, которые вводят пропозицию мнения в высказывание (в таком случае само мнение, как правило, приводится в цитате), другая часть функционирует в высказываниях, которые представляют собственно мнения.

Так, нами выявлено 88 глаголов-ввода высказываний мнений в текстах на английском языке и 71 единиц на белорусском. При этом частотность данных маркёров в британской периодике составила 26 % от общего числа выявленных маркёров, а в белорусской – 15 %. Учитывая, что рассматриваемые языковые единицы, как правило, вводят мнения в виде цитат, часть маркёров является глаголами говорения: *to ask, to answer, to cite, to reply, to say; дадаць, запытацца (задаць пытанне), гаварыць, казаць (с-, вы-, рас-)* и др. Например, «*I think it's about authenticity,*» *said the British writer Linda Grant* [...] («The Guardian»). Употребление данных языковых единиц позволяет создать нейтральный, объективный тон повествования, при этом авторское отношение к приведённому мнению остаётся неизвестным.

Таблица 1 – Статистические данные по разноуровневым маркёрам мнения на английском и белорусском языках

	Данные для английского языка	Данные для белорусского языка
ЕДИНИЦЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ		
Глаголы ввода мнения в высказывания	26 %	15 %
Глаголы, входящие в структуру высказывания мнения	15 %	9 %
Существительные	11 %	12 %
Служебные маркёры	15 %	17 %
Формы будущего времени	4 %	6 %
Формы сослагательного наклонения	4 %	2 %
ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ		
Единицы с модальным значением	12 %	17 %
ЕДИНИЦЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ		
Вопросительные предложения	7 %	8 %

Комментарии	4 %	12 %
Императив	2 %	2 %

Другая часть глаголов связана с описанием речевого или экстралингвистического поведения говорящего. В текстах на английском языке мы выделили только три единицы: *to blame, to nod, to call out*. В текстах на белорусском языке эта группа гораздо шире и представлена шестнадцатью единицами, часть из них констатирует поведение говорящего (*адгукацца, голас прагучаў, уздыхаць, усміхацца* и т. п.). Так, описывая высказывания собеседника, автор замечает: «*Усё трэба рабіць своечасова*», – *ужо не сказаў, а праспяваў доктар* («Звезда»). В других высказываниях прослеживается авторский комментарий об эмоциональном состоянии говорящего (*абнадзейваць, абурацца, буркатаць, скардзіцца* и т. д.). Например, в тексте о «хаус-мастерах», т. е. профессионалах, которые предлагают выполнение широкого набора услуг по ремонту в доме, автор приводит высказывание одного из них: «*Маё меркаванне такое: мужык – ён і ёсць мужык*», – *перасякае мае сумненні Мікалай Пінчук* («Звезда»). В данном случае для автора важно не только ввести мнение собеседника в текст материала, но и отметить его решительность.

Часть глаголов ввода указывает на значимость информации, содержащейся во вводимом высказывании с точки зрения автора материала, а также его оценку того, убедительно ли сообщение коммуниканта. В подгруппу входят глаголы *to admit, to point out, to posit, to suppose; акцэнтаваць, звярнуць (увагу), падкрэсліць, сцвярджаць* и др. Например, *Але Уладзімір Барысавіч запэўніў, што каларыт і традыцыйнасць гучання спрадвечна беларускіх слоў будуць максімальна захаваны пры перакладзе – усё аднаведна са спецыяльнымі правіламі* («Вечерний Брест»).

Глаголы следующей подгруппы фиксируют внимание на осознанных логических операциях автора, его рассуждениях. К таким глаголам относятся *to conclude, to compare, to explain, to reveal; аказацца, падсумаваць, разабрацца, тлумачыць* и др. Так, автор материала о том, насколько нужны добрые поступки, цитирует рассуждения своего коллеги из газеты 1935 г. «The Nambour Chronicle». Поначалу автор задаётся вопросом, почему люди, входящие в организации скаутов, всегда счастливые и весёлые. И затем приводит цитату-ответ следующим образом: [он задаётся вопросом] *before concluding: «They do it by making other people happy»* («The Telegraph»). Как видим, автору важно не столько предложить мнение, сколько показать цепь логических рассуждений, при этом направить читателя к необходимому выводу, поскольку, благодаря глаголу *to conclude*, адресат воспринимает фразу «*They do it by making other people happy*» именно как вывод, а не простой пример или объяснение.

Следующая группа маркёров – это глаголы, которые функционируют собственно в выражении мнения, глаголы, на которых лежит смыслообразующая нагрузка. В текстах на английском языке данная группа представлена 93 единицами (с частотностью 15 %), на белорусском – 67 единиц (частотность – 9 %). Часть глаголов, как и в предыдущей группе, задействована для представления логических рассуждений автора. К таковым единицам относятся *to cause, to lead (to smth), to link (to smth), to result in; абумовіць, залежыць (ад чэго-небудзь), сведчыць (пра што-небудзь), спрыяць (чаму-небудзь)* и т. д. Отличие глаголов данной группы от аналогичных по функции глаголов ввода в том, что в первом случае семантика глагола оказывает существенное влияние на смысл всего высказывания-мнения, а не служит дополнительным фактором для трактовки высказывания. Так, в тексте о плохом знании иностранных языков шотландскими школьниками автор отмечает: *Much of the problem is rooted in the shifting political landscape of the past 15 years* («The Scotsman»). При этом без глагольного выражения *to be rooted in smth* смысл всего высказывания-мнения будет потерян.

В медиатекстах на английском и белорусском языках были обнаружены языковые единицы, указывающие на представление идей, стремлений, советов, необходимых шагов, которые, по мнению автора, следует предпринять, чтобы решить проблемную ситуацию. К рассматриваемой подгруппе принадлежат глаголы *to aspire, to desire, to want, to wish; жадаць, марыць, прапанаваць, хацець* и др. Так, в тексте о создании научно-технического парка «БелБіяград» мы отмечаем высказывание-мнение, в котором представлен необходимый шаг для развития проекта: *Мы разлічваем атрымаць пэўныя прэферэнцыі, хацелася б, каб яны былі супастаўныя з тымі, якія створаны для Парка высокіх тэхналогій* («Звезда»). В конечном итоге, высказывание можно

перефразировать: *для развития парка необходимо/следует предоставить преференции, аналогичные тем, которыми пользуется Парк высоких технологий.*

Часть глаголов позволяет автору обозначить эмоциональное отношение к обсуждаемому предмету. Если в текстах на английском языке большая часть маркёров этой подгруппы выражает некоторое действие, реакцию одобрения или порицания (глаголы *to accuse, to blame, to criticize, to object, to welcome* и др.), то в текстах на белорусском языке наравне с обозначением реакции речь идёт об описании эмоций и чувств (*выклікаць здзіўленне, выказваць ішкадаванне, пакідаць жадаць лепшага, папракаць* и т. п.). Например, *Age of Ultron director Joss Whedon has come under fire this week* [со стороны пользователей Twitter] или *Некаторыя палажэнні яго [проекта о транслитерации географических названий] выклікаюць бурныя эмоцыі* («The Telegraph»), («Вечерний Брест»). В первом примере для автора важнее отметить ряд критических замечаний, которым пользователи Twitter подвергли Джосса Уидона, во втором – негативную эмоциональную реакцию общественности.

В англоязычных медиатекстах нами отмечен ряд языковых единиц, в которых автор представляет важные, на его взгляд, характеристики объектов, даёт им подобие определения: *to become, to define, to mean, to (re)present (as), to refer to* и др. В текстах на белорусском языке аналогичную функцию выполняют глаголы *з'яўляцца, лічыцца, называцца*, для которых, однако, характерна меньшая частотность употребления. Например, *The pursuit [of happiness] has become an addiction* («The Independent»), что можно перефразировать как *(в современном мире) погоня за счастьем – это зависимость.*

Как в англоязычных, так и в белорусскоязычных медиатекстах текстах фигурирует значительное количество служебных единиц (15 % и 17 % употреблений от общего количества маркёров соответственно), которые позволяют устанавливать причинно-следственные связи явлений и участвуют в оформлении рассуждений автора. Однако, если в текстах на английском языке маркирование отношения автора реализуется, в первую очередь, благодаря глаголу (41 % употреблений), то в текстах на белорусском языке большое значение имеют другие средства, в том числе служебные слова. Речь идёт о сложноподчиненных предложениях с придаточными частями причины, следствия, условия и т. д., которые в языке оформляются при помощи союзов *as, because, if, in case, unless; адсюль, бо, калі... то (дык), праз гэта, таму (што)* и многих других (в изучаемых текстах на английском языке выявлено 32 единицы, на белорусском – 35). Например, *Асаблівую ўвагу надаў кафедры скульптуры, бо, пры ўсёй пашане да іншых відаў творчасці, мяркую: менавіта ў пластыцы (найперш — манументальна-дэкаратыўнай) яскрава выявіліся і модныя тэндэнцыі, і нязломныя стэрэатыпы апошніх дзесяцігоддзяў* («Культура»). Более того, в данном примере установление причинно-следственных связей в структуре мнения усиливается употреблением путативного глагола «меркаваць».

Модальные слова и выражения – ещё один источник маркёров высказываний-мнений (частотность употребления маркёров в текстах на английском языке – 12 %, на белорусском – 17 %). В обоих языках чаще всего используются модальные слова, выражающие способность и возможность (в первую очередь, *can, could, may, можа, можна*). Например, *Young people who have the highest rate of unplanned pregnancy and teenage parenthood can be at risk of a range of poor outcomes [...]* («The Guardian»). Тем не менее на этом сходства в использовании модальных слов в изучаемых жанрах на английском и белорусском языках заканчиваются. В англоязычных текстах наиболее частотными являются модальные глаголы со значением необходимости в широком смысле (*need*) и необходимости с оттенком совета (*should*), при этом последние более частотны. Так, рассуждая о влиянии политической карикатуры на общественное сознание, Хаяо Миядзаки отмечает: *Instead of doing something like that, you should make more caricatures of your own country's politicians* («The Telegraph»). В то же время, в медиатекстах на белорусском языке лишь незначительное число высказываний имеет подобную модальность. Наиболее распространённые средства в медиатекстах на белорусском языке (как в высказываниях собственно авторов материалов, так и в приводимых цитатах) и наименее распространённое в англоязычных материалах с помощью которых представляются идеи, способы решения проблем или советы – это модальные слова с оттенком обязанности (*трэба, павінна*). Например, в материале о задержке выплаты пенсий автор высказывает мнение следующим образом:

Напэўна, прадстаўнікі Міністэрства аховы здароўя і Міністэрства працы і сацыяльнай абароны павінны знайсці варыянт, які задаволіў бы ўсіх («Гомельская праўда»).

В медиатекстах был выявлен ряд языковых единиц, маркирующих авторский комментарий (64 единицы на английском языке и 98 – на белорусском), которые представляют побочные наблюдения автора, какие-либо сообщения, которые косвенно связаны с обсуждаемым материалом или же, наоборот, позволяют автору ввести эмоциональную ремарку по теме. Частотность употребления маркёров комментария в английском языке составляет 4 %, в то время как в белорусском языке этот показатель достигает 12 %. Авторский комментарий в медиадискурсе реализуется с помощью таких средств, как вводные слова и конструкции, разговорные выражения с целью установления контакта с аудиторией: *actually, come on, however, of course, well; да слова, маўляў, на жаль, так бы мовіць, як бачыце* и др. Так, автор материала о снижении уровня образования в британских школах поначалу приводит мнение главы Национальной лиги учителей о том, что, будто бы, проблема заключается в некомпетентности кадров. Однако, затем автор отмечает: *Only joking, folks!* («The Telegraph»). И после этого приводит мнение, которое на самом деле высказал собеседник. В данном случае ремарка позволяет автору, с одной стороны, представить собственную трактовку ситуации, и с другой, установить эмоциональный контакт с аудиторией.

Таким образом, в медиадискурсе мнения представляются широким набором языковых средств, при этом выделение высказывания-мнения из текста становится возможным благодаря определению маркёров. Особенность языковых единиц, с помощью которых представляется мнение в англоязычных текстах, заключается в значительной смысловой нагрузке на глагол (собственно ввод мнения, выражение имплицитных смыслов, ремарки автора). В текстах на белорусском языке глаголы также выражают аналогичные значения, однако бóльшую роль в сравнении с соответствующими единицами на английском языке приобретают служебные слова, благодаря которым представляются мыслительные операции адресантов. Также различается роль авторского комментария (который в целом более характерен для медиатекстов на белорусском языке): в текстах на английском языке комментарий выполняет функции установления контакта с аудиторией, представление дополнительных интерпретаций, в текстах на белорусском языке – введение сопутствующей информации. Что касается модальных слов и выражений, то в текстах на английском языке наиболее частотны языковые средства со значением способности, необходимости и совета, в текстах на белорусском – со значением способности и обязанности. Учитывая количество выявленных единиц, их частотность употребления и качественные особенности, можно сделать вывод о том, что в представлении мнения для англоязычных авторов бóльшее значение имеет фактуальность, выражение логических связей между объектами, создание впечатления объективности, в то время как для белорусскоязычных авторов первостепенное значение имеют личные интерпретации и эмоциональная составляющая сообщения.

Літаратура

1. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М. : Флинта; Наука, 2008. – 203 с.
2. Dijk, van T. Power and the news media / T. van Dijk // Discourse in society [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access : <http://www.discourses.org/OldArticles/Power%20and%20the%20news%20media.pdf>. – Date of access : 11.08.2016.
3. Гибатова, Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: знание и мнение : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г.Ф. Гибатова ; ГОУВПО «Башк. гос. унив.». – Уфа, 2011. – 43 с.
4. Апресян, Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке / Ю.Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 5–26.
5. Шагуновский, И.Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения / И.Б. Шагуновский // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. научн. трудов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 56–71.
6. Арутюнова, Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблема интенциональных и прагматических контекстов: сб. научн. трудов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1989. – С. 7–30.
7. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.

8. Дмитровская, М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. научн. трудов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 6–17.
9. Карагодин, А.А. Оппозиция знания и мнения в лингвистике и лингвистической экспертологии / А.А. Карагодин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 184–190.
10. Иванова, Г.Ф. О мнениях и оценках / Г.Ф. Иванова // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена. – 2007. – № 8. – С. 25–31.
11. Bing, Liu. Web Data Mining / Liu Bing. – Luxembourg : Springer Science+Business Media, 2011. – 622 p.
12. Tsytsarau, M. Survey on Mining Subjective Data on the Web / M. Tsytsarau // Living [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access : <http://livingknowledge.europarchive.org/images/publications/dami11.pdf>. – Date of access : 12.08.2016.
13. Edwards, D. Newspeak in the 21st Century / D. Edwards, D. Cromwell. – London : Pluto Press, 2009. – 304 p.
14. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Медея, 2004. – 328 с.
15. Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – Харьков : ИД ИНЖЭК, 2003. – 437 с.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 28.10.2016

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ